

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

ТЕАТР

ТИХО звучит музыка, и на фоне грозового неба вырисовываются очертания военного корабля. Застыли скульптурно выразительные фигуры. Это — возрожденные искусством театра — стоят на сцене солдаты первой мировой войны, крошечные матросы, герои-ленинградцы, победившие блокаду, воины Великой Отечественной, которые спасли мир от фашизма. Их лица суровы, их взоры как бы обращены к будущему. Среди них — в ситом морском кителе с орденным боевого Красного Знамени на груди, освещенный ярким светом — Всеволод — советский писатель, художник, до конца прошедший свой путь вместе с народом.

Всеволод Вишневский и сатира — понятия, казалось бы, трудно совместимые. Между тем именно на сцене Московского театра сатиры прозвучал сегодня голос автора классической «Оптимистической трагедии» и других прекрасных произведений. Как истинный новатор, Вишневский понимал, что революционное содержание требует новых поэтических средств, он смело ринулся устоявшиеся драматургические каноны. В пьесе «У времени в плену», посвященной Вишневскому, Александр Штейн стремится сохранить свойственную этому драматургу самобытность письма. Правда, во второй части пьесы композиция не до конца удалась автору; некоторые эпизоды, например, повторное появление анархистов, воспринимаются как вставной номер. (Забегая вперед, замечу, что подобное тяготение к вставным, развлекательным трюкам кое-где заметно и у самого театра).

Современный зритель понимает театральную условность, заложившую в самой природе искусства сцены. Он с полуслова схватывает замысел, и его несколько не смущает, что по ходу пьесы встречаются два Всеволода — молодой и взрослый, что действие прерывается монологами, обращенными в зрительный зал, и что сам Вишневский беседует с героями своих произведений.

Режиссер Валентин Плучек поставил спектакль, испол-

ненный высокой революционной романтики. Удачей режиссера мне представляются широкие, крупные мизансцены. Найдя решение большой массовой сцены, он умышленно не спешит сразу же менять композицию; актеры играют большие куски в одной статичной мизансцене. Когда тема исчерпана и зарождается новый сюжетный ход, постановщик стройно перегруппировывает фигуры действующих лиц, и новая композиция опять же видоизменяется, пока не явится следующая тема. Эта крупность построения, отсутствие суетливости и, если так можно выразиться, темпераментная статика рождает в зрительном зале чувство сосредоточенности, придает представлению черты значительности, монументальности. Музыкальность, составляющая важнейший элемент атмосферы спектакля, присутствует не только в тех местах, где звучат музыка и песни, — она словно пронизывает все действие.

По самому сложному пути пошел театр и в назначении актеров на роли. При первом прочтении пьесы может показаться, что характеры персонажей следовало бы решать плакатно, выявляя какую-то главную черту образа. В театральной среде еще бытует мнение, что при открытой условности сценической формы и играть нужно условно. Режиссер, к счастью, не поддавался такому искушению; при трактовке любой роли здесь взяли за основу законы всестороннего и глубокого раскрытия человеческих характеров, постижения психологической правды. И именно поэтому, что на подмостках действуют живые люди, с их достоинствами и пороками, два идейных лагеря сталкиваются непримиримо, серьезно, без тени придуманности, театральности.

Андрей Миронов уже успел

завоевать признание как острокомедийный актер, овладевший сложным искусством сценического юмора. Роль Всеволода для него стала и новым этапом, и новым экзаменом. Актер играет здесь почти без грима (в данном случае внешнее сходство мне представляется не обязательным). Наоборот: отсутствие портретного совпадения укрупняет образ, делает характер Всеволода собирательным). И очень хорошо, что в некоторых монологах Миронов не играет, а читает прозу, словно подражая Маяковскому, и тогда кажется, будто проза зарифмована. Такой прием увеличивает силу воздействия на зрительный зал, хотя, как мне кажется, порой Миронов «пережидает», в результате чего темперамент перерастает в нервозность, даже в некоторую истеричность.

Есть роли, где от исполнителя требуется умение не только говорить, но и особый талант слушать. Пьеса строится таким образом, что мы воспринимаем происходящее на сцене как бы глазами Вишневского. Вот в эти молчаливые паузы, когда художник слушает и познает мир, когда зарождаются замыслы его будущих произведений, актер живет на сцене безукоризненно правдиво, наполненно, он властно диктует нам своей волей отношение к людям и событиям.

«Ревесник двадцатого века. В девятьсот четырнадцатом — четырнадцатом лет — бегу тайком из отцовского дома, из дворянской семьи — на германский фронт. В восемнадцатом году — восемнадцатом мне — матрос Волжской военной флотилии. Мне двадцать — в двадцатом году — пулеметчик Первой Конной. Писатель — в двадцать девятом... Бригадный комиссар — в сорок первом. Бой за Талин, Ленинград... Стрелял по рейхстагу — в сорок пятом. Устало и перестало биться

сердце — в пятидесятом», — говорит о себе Всеволод, и актер последовательно, шаг за шагом, раскрывает характер человека цельного, сильного, беспредельно влюбленного в Революцию.

Раскрытие образа центрального героя помогает существующий в спектакле дуэт двух абсолютно разных характеров — Всеволода и солдата Сысоева, его первого наставника и затем друга на всю жизнь. Взаимосвязь, взаимодополняемость этих двух людей высекает удивительную драматургическую искру, которая рождает ощущение объемности изображаемой на сцене человеческой жизни.

Сысоева играет А. Папанов. Так же, как и Всеволод, этот человек почти в самом начале рассказывает зрителю о своем жизненном пути, который предстоит ему вновь пройти за краткий отрезок сценического времени: «Германская! Гражданская! Манчжурская! Испанская! Финляндская! Отечественная! На одно поколение — не много ли?» Придя в спектакль простодушным русским мужиком, Сысоев на наших глазах вырастает духовно, становясь одним из крупнейших советских военачальников. Чем дальше развиваются события, тем серьезнее, ответственнее в своих поступках становится герой Папанова: простодушная улыбка постепенно сходит с его лица и явственно проступают зримые черты героического, подлинно народного характера. Когда в финале Сысоев ведет разговор с представителями гитлеровской армии накануне исторической победы нашего народа над немецко-фашистскими захватчиками, мы понимаем, какой сложный путь прошел Сысоев, весь трудовой народ, полномочным представителем которого он и воспринимается.

А. Папанов унаследовал от мастеров русского театра очень редкий дар: он не играет, а органично живет в обра-

зе, он идет не от текста, а, наоборот, от внутренней жизни к венчающему ее слову. Это рождает неповторимую правду характера и в роли Сысоева; мы прощаемся с ним, как с добрым знакомым, чья жизнь будто коснулась нас и, коснувшись, поразила, захватила.

В спектакле много актерских удач: Лариса — Т. Идыкович, Сося — В. Васильева, Скиталец морей — В. Новиков, его Мать — Т. Пелтцер, Ольга, поэтесса — Н. Корниенко, Главарь анархистов — С. Мишулин... Каждый из этих артистов создает образ, который сам по себе запоминается и одновременно органичен и необходим всему представлению. Б. Галкин в роли Всеволода-маленького предстает перед зрителями юношей исключительной душевной чистоты, неутомимым искателем правды. Словом, это тот случай, когда с полным правом можно говорить о замечательном ансамбле исполнителей.

Радостно, что в год ленинского юбилея на наших подмостках так молодо зазвучали революционно-романтические спектакли. Радостно, что на такие спектакли валом валют зрители самых разных поколений. Радостно, что и Театр сатиры с жарким гражданским темпераментом утверждает этот любимый народом жанр, который зарождался на заре советского театра и который жизненно необходим нам сегодня и завтра. Я глубоко убежден, что стихия революционной романтики может ярко выразить красоту и величие сегодняшнего дня. Ведь не случайно, что после спектакля «У времени в плену», повествующего о трудных судьбах и драматических событиях, мы уходим с чувством радостным, с чувством гордости за свою страну, за ее беспримерный в истории подвиг.

Евгений СИМОНОВ.
Народный артист РСФСР.